

Vladimir Gel'man

Authoritarian Russia

**Analyzing Post-Soviet
Regime Changes**

University of Pittsburgh Press. Pittsburgh. 2015

На данный момент никто уже не питает иллюзий, будто Россия — демократическая страна. Однако западный публичный дискурс книг и блогов последнего времени все чаще объявляет Владимира Путина прямо-таки новым “царем” России (при этом “царский” статус Путина может мыслиться и как благо для страны, и как зло); а если и не царем, то, по крайней мере, главой самого большого в мире мафиозного синдиката. Эти сравнения привлекают своей простотой и отсылкой к разным стереотипам о России, однако они лишь вводят в заблуждение и отвлекают общественное внимание от реальных движущих сил российской политической системы. Столь же сомнительными представляются попытки уложить российского президента на пресловутую “кушетку” и объяснить положение дел в России, отвечая на интригующий вопрос “Кто такой мистер Путин?” с помощью исследования его психики.

Важность новой книги Владимира Гельмана, “Authoritarian Russia”, состоит в том, что она демонстрирует недостатки таких под-

ходов к российской действительности — работа Гельмана предлагает серьезное исследование сложного и жесткого мира российской политики, которое призвано сделать его более понятным и для широкой публики, и для профессиональной аудитории.

Книга начинается с замечательной истории из личного опыта автора, одновременно трагической и очень смешной. Не раскрывая развязки, скажу, что она разъясняет, как вскоре после развала Советского Союза новые российские “демократы” решили, что они и есть “демос” — или, по крайней мере, что они являются полным его воплощением, — а значит, никто не имеет права им противоречить. Это соответствует базовому тезису книги: политики во всем мире не любят, когда их власть пытаются ограничить, а потому, если оставить их без контроля, они начинают злоупотреблять властью и расширять собственные полномочия. В этом смысле получается, что загадочный мистер Путин не отличается от других. Он, как и любой другой политик, жаждет власти и пользуется доступными ему

возможностями, чтобы ее осуществлять.

А это значит, что отличие Путина не столько в его психологических характеристиках, и даже не в его политическом искусстве, сколько в сдерживающих факторах и возможностях для его политики. На основании данных сравнительных исследований Гельман утверждает, что демократизация может иметь успех, если политиков, стремящихся к расширению собственной власти, сдерживает хотя бы один из четырех факторов: внутренний конфликт властных элит, внешнеполитические факторы, активное гражданское общество или идеология. Автор с сожалением констатирует, что в России двухтысячных годов ни один из этих факторов не оказался действенным. Сначала плюрализм существовал “по умолчанию” как продолжение 1990-х годов, когда российское государство было просто слишком слабым и президент Борис Ельцин в любом случае не мог бы осуществить те шаги, которые потом предпринял Путин. Однако к 2000-м годам государство окрепло, и Путин, пользуясь огромной общественной поддержкой на фоне резкого подъема экономики, смог объединить все наиболее состоятельные властные российские элиты, не встретив при этом особенного сопротивления. С распадом СССР международное сообщество провозгласило себя победителем и упустило шанс заключить широкое соглашение о предоставлении помощи — которое, возможно, сумело бы укрепить в России демократию в ранние 1990-е, когда страна столкнулась с тяжелейшими трудностями. Гельман отмечает, что российское гражданское общество проявляло извечную пассивность, а политический истеблишмент последовательно избегал всяческой идеологии, — к разочарованию миллионов любителей русской литературы, которые ожидали от постсоветской России чего-то иного. Короче говоря, вскоре Путин ощутил не только отсутствие каких бы то ни было факторов, ограничивающих его власть, но и то, что в его руках — значительно окрепшее после развала Союза государство, которое теперь могло стать мощным инструментом для доминирования и обогащения.

Гельман ограничивает свой анализ одной только Россией, однако происходящее в

остальных странах бывшего СССР только подтвердило бы его наблюдения. Сам Путин — исключительно российское явление, но, по сути, та же самая политическая система действует на всем постсоветском пространстве. Если понимать политическую систему России как проявление исконно русского феномена царской власти или как порождение жестокого и непреклонного главы мафиозной группировки, то почему же политическое устройство многих постсоветских государств, в том числе тех, что решительно отвергают наследие имперской России, так похоже на российское? Можно привести в качестве примеров Армению, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. Более того, Путин вступил на путь недемократического правления даже позже других лидеров региона. Его “обошли” в этом многие политические деятели, начиная с бывшего председателя колхоза Александра Лукашенко и заканчивая чиновником Госплана Исламом Каримовым. В самом деле, как уже известно по предыдущим работам Гельмана о российских регионах, во многих из них “путинизм” был построен задолго до того, как о Путине стало известно за пределами Санкт-Петербурга.

С позиции Гельмана, это имеет вполне понятное объяснение: лидеров всех этих государств нельзя просто сбросить со счетов, назвав “царями” или “главарями мафии”. Их можно рассматривать как типичных политиков, жаждущих власти, при этом в результате распада СССР они оказались практически не ограничены в своих действиях. “Authoritarian Russia”, таким образом, демонстрирует читателю ряд важных исторических поворотов, когда политики, будь их главным мотивом не исключительно жажда власти, могли бы принять другие решения — но приняли именно те, в результате которых Россия и оказалась на своем нынешнем пути. В частности, автор отмечает принятое в 1991 году решение сохранить учреждения советской эпохи вместо того чтобы изменить конституцию; силовой конфликт между президентом и Верховным Советом в 1993-м, следствием которого стал штурм “Белого дома”, прекращение деятельности Верховного Совета и конституция, предоставившая президенту значительно расши-

ренные полномочия. Среди других эпизодов, рассмотренных в книге, — переизбрание Ельцина в 1996 году в результате нечестной избирательной кампании; победа Путина в 1999–2000 годах и успешное установление “навязанного консенсуса”; временная передача президентских полномочий от Путина Медведеву в 2008–2012 годах; волна протестов в 2011–2012 годах и возвращение Путина в Кремль, за которым последовали новые репрессии против его оппонентов; а также крайне резкий разворот политики в 2014 году: аннексия Крыма, инициация конфликта в Юго-Восточной Украине и еще более интенсивное давление на оппозицию.

Гельман подчеркивает, что режим в России по-прежнему остается куда менее жестоким, чем многие другие авторитарные режимы, в частности Китай. Для обеспечения лояльности граждан власти постсоветской России, замечает автор, традиционно использовали пряник чаще, чем кнут. И несмотря на то, что с начала 2010-х годов режим все больше поворачивался в сторону политики устрашения и показательных избирательных репрессий, власти до сих пор предпочитают ограничиваться именно устрашением и не прибегать к масштабному насилию — в отличие от китайских властей, которые применили силу на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, или узбекских, которые жестоко подавили мятеж в Андижане в 2005-м. По мнению Гельмана, хотя исключать вариант подобного ужесточения репрессий нельзя, пока ситуация в России далека от этого.

В конечном счете, оценка Гельмана — на очень долгосрочную перспективу — оказывается оптимистичной, и книга завершается такими словами: “Россия действительно станет свободной страной. Вопрос в том, когда и как это произойдет, а также какой будет цена этой свободы” (С.154). Впрочем, этот вывод существенно корректируется словами о том, что будущее, по сути, невозможно предугадать, ситуация может существенно усугубиться, прежде чем наступит улучшение, и на все это может уйти очень много времени.

Учитывая все оговорки, которыми Гельман сопровождает свои оптимистичные ожи-

дания, возможно, не следует рассуждать о том, насколько эти ожидания следуют общей логике его книги, а насколько это вопрос веры автора, переживающего за судьбу своей страны и надеющегося на демократическое будущее России, даже если ждать его еще придется очень долго. Но давайте предпримем такую попытку — хотя бы ради дискуссии. Гельман приводит веские доказательства того, что динамика политического режима в России столь пагубна для страны, что власть Путина может оказаться под угрозой; но в то же время дает понять, что новая власть может оказаться еще хуже. Действительно, если вернуться к гельмановскому списку четырех факторов, которые могут ограничивать власть лидера и тем самым способствовать успешной демократизации в стране, то оказывается, что содержание книги дает крайне мало оснований рассчитывать на появление этих факторов в каком-то не слишком отдаленном будущем, — если, конечно, не брать в расчет известную мудрость о том, что в России может произойти все, что угодно.

Мне самому кажется, что демократизация в конечном счете может произойти по двум причинам, которые, по мнению Гельмана, не способны повлиять на процесс демократизации. Первая причина — развитие экономики. Как показывают некоторые исследования, развитие экономики может снижать зависимость общества от авторитарных политических патронов и уязвимость по отношению к ним, таким образом способствуя демократизации в долгосрочной перспективе. Гельман, конечно, прав, считая, что экономический рост способен легитимизировать авторитарные режимы и вовсе не гарантирует при этом стремления к демократизации — что и произошло, как кажется, в России 2000-х годов. Однако данные Даниэла Трейсмана, который совсем недавно провел сравнительное исследование, показывают, что эффект экономического роста, играющий на руку действующей власти, может оказаться обратным для преемников этой власти; в соответствии с этими данными, способность или готовность преемников применять репрессии может оказывать

ся ниже, чем у их предшественников¹. Таким образом, даже если сам Путин может продержаться у власти еще многие годы, а его преемники также выберут авторитарную форму правления, экономический рост все же способен, в конечном счете, стать фактором перехода к большей политической открытости. Но будет ли этот рост достаточным для политических перемен в России на тот момент, когда Путин покинет свой пост, — неизвестно.

В моих собственных исследованиях я склонен в большей мере, чем Гельман, уделять внимание потенциалу формальных институтов, которые, на мой взгляд, способны расшатывать авторитарную власть². В своих работах я утверждаю, что хотя Гельман и другие правы, считая, что формальные институты часто становятся объектом манипуляций со стороны властей, возможности этих манипуляций не безграничны. В какой-то момент формальные институты могут обрести значительное независимое влияние — если бы они были чистой имитацией и не имели совсем никакого потенциала, властям не было бы нужды ни создавать формальные институты, ни манипулировать ими. Конечно же, мало кто станет утверждать, что важнейшие российские акторы будут следовать конституциональным ограничениям; тем не менее, эти ограничения могут иным образом оказывать воздействие на их политику. В частности, я утверждаю, что нынешняя авторитарная система в России во многом обусловлена ее конституцией, которая наделяет президента огромными полномочиями и позволяет одному патрону, находящемуся вне конкуренции, контролировать все главные политико-экономические сети страны. Конституции же, в которых прописано существование двух более или менее равных и формально независимых центров исполнительной власти (обычно — президента и не зависящего от него премьер-министра), могут затруднять сосредоточение контроля в руках единственного

верховного лидера, создавать напряжение для режима и — возможно — поддерживать (хотя бы на некоторое время) соперничество среди элит, что, в свою очередь, может обеспечивать плюрализм в публичной политике (даже при сохраняющейся коррупции). На постсоветском пространстве конституции, в которых исполнительная власть разделена между разными акторами, дают значительно больше возможностей для демократизации, нежели “президентские” конституции. Конечно, едва ли можно ожидать, что в относительно недалеком будущем в России появится конституция, предусматривающая такое “разделение” исполнительной власти. Тем не менее, существуют прецеденты, когда внезапно в конституцию включался пункт о подобном “разделении”: это произошло в Киргизии после революции 2010 года, когда требовалось закрепить возникшую коалицию властных элит, и в Грузии, когда в тот же год ушедший в отставку президент Михаил Саакашвили рассчитывал таким образом ограничить власть своих преемников.

Несмотря на эти небольшие замечания, анализ, представленный в книге Гельмана, представляется крайне убедительным. Автор “Authoritarian Russia” подтверждает этой работой свой статус одного из лучших российских политологов, а сама книга должна быть включена во все списки обязательной литературы для изучающих российскую политику наряду с классическими трудами по данной дисциплине. Написанная лаконично и увлекательно, она привлечет и широкую читательскую аудиторию, и студентов, и специалистов, помогая формулировать важнейшие вопросы для дискуссий и темы новых исследований.

Генри Е. Хейл

1 TREISMAN, D. S. *Income, Democracy, and Leader Turnover* // *American Journal of Political Science*. 2015. October. Vol. 59, № 4. P. 927-942.

2 См. HALE H. E. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press, 2015. (См. рецензию на книгу Г. Е. Хейла в настоящем выпуске журнала - Прим.ред.)